

На сонсание Государственной премии РСФСР

РОДА два назад мне довелось побывать в северной — архангельской — стороне. Первый раз увидела те края. Но и старые сумрачные боры, и влажные двинские пески, «сопки-резуны» над обрывистыми речушками, угоры земляничные — все открылось раньше, в тонких книжечках стихов Ольги Фокиной. Открылось — и сразу легко на душу, запомнилось накрепко, оттого и узвание было радостным.

А какой это волон —
Перелесок родимый?
А какой это морон —
Взмахи отчего дыма?
От рожденья до гроба
Проходивший в покоем.
Прадед потом и кровью
Полил эти загоны.

Читаю эти стихи, открываю поэтическую книгу Ольги Фокиной «Маков день», выдвинутую на сонсание Государственной премии РСФСР, и вижу травный берег Содонги (и Содонга не обманула: ласковая,

Как же ты пахнешь,
сырая земля!
Этот бы ломоть,
отрезанный плугом.
Взять в обе руки и есть,
не соля,
Не улащая ни медом,
ни луном.

как же ты тянешь,
родная земля.
В эти пласты,
как в ладони родимой,
ткнуться лицом,
ни о чем не моля,
лишь бы с любимой —
неразделимо...

Лишь бы ответить теплом
на тепло...

Собранные в игуток.
Будто бы это — беды,
Те, что отбедовала,
Густо — к одной Другая...
Разбередить боюсь.

Горькие эти строки. И светлые. Только ли о своей матери? О русской женщине, что пахала, косила, сеяла, ткала и прала, из сил выбивалась, а Родину хранила в тяжкие годы. И дождалась отрадных времен: «В большом строю идут вперед ее сыны, ее внучата, ее семья, ее народ». А вдовье горе, слезы вдовьи? Им-то куда

Дорогое дая подаренье
Для моей несторонней души.

Эти строки, как сама признавалась, сами собой вырвались: видеть подобное возрождение и обновление Родины равнодушно невозможно.

Лишь только весна шагнет в архангельские леса, распутица еще — Ольга Александровна добирается в родное село из Вологды, где сейчас живет. «...Дышу, гляжу, слушаю. И только. И, кажется, ничего больше не надо, только бы существовало все это, вместе взятое, вечно: мать, земля, Родина. Белые ночи так очаровательно тихи. Огромные дни так горячи и сверкающи, так полны звоном жаворонков, кукованьем кукушки, журчаньем реки, что дополнять вроде и нечего, ибо лучше не споешь и не скажешь».

Летом ездит по лугам, читает косарям свои стихи. Об их труде, об их жизни:

...Я для тебя храню поклон,
Моя Архангельская область,
Мой Верхне-Тоемский район.
Поклон твоим лесам и рекам,
Твоим натруженным рукам...

Ее стихи родились на этих вольных просторах. Русская у них душа, певучая. Эта напевность, эта свежесть, меткое слово пришли из живой сочной речи, той речи, какой и сейчас говорит русская северная деревня.

Причастность Ольги Фокиной к судьбам родной земли дает ей высокое право говорить «от имени серпа», от имени тех миллионов деревенских трудовых людей, что кормят хлебом всю страну.

Маргарита ЛОМУНОВА

ЗАПАХ РОДНОЙ ЗЕМЛИ

Северная Двина на руках несла наш теплоходик.

В неизменной фуфайке
сосновых лесов,
Холодна, а порой
диновата,
Ты не рдидься
в крылышки парусов.
Лишь плоты на тебе,
как заплаты...

Проглаженная, проутюженная трудами-катерами, тяжеленными баржами, людским вниманием не избалованная («недосуг любоваться собой — приближаются долгие стужи») — такой и при встрече оказалась скромная, работающая эта река.

А за ней леса сплошняком поднялись. Малые неугомонные реки, то в дело перебежали дорогу. Русский Север вставал в своей незамысловатой красе:

Говорят, мое поле —
За тремя волоками,
Говорят, моя доля —
За семью мороками.

до дна светится); село петляет вдоль реки. Высоченные срубы темны деревом: частая мокреть задубила бревна. У самой воды баньки грачами уселись.

В тот год и на Севере лето жарило до последних дней августа. И вдруг оборвалось дождями. Лили и лили без устали. Все тона посвежели, резче выявились. Мы прошли с Ольгой Александровной по Корниловскому, спустились с угора; висячий шаткий мосток вел в луга, в леса, к грибным и ягодным местам. Все было ее, близкое. Отсюда вехала в большие города, но любовь к родительской стороне осталась неизменной. вошла в ее творчество, наполнила его до краев. «Простые краски северных широт» заиграли, заискрились в поэзии Ольги Фокиной. По-своему рассказала о белых северных ночах, об озерах тихой воды на скошенном лугу, о розовых клеверных островах.

Плкать мне не о чем,
наяться не в чем.
Знаешь сама:
где тебе тяжело
детям твоим
достается не легче.

Так сказать может только тот, кто одними думамй, заботамй, жизнью одной живет с этой землей. Многие стихи, вошедшие в сборник, биографичны. Но это биография целого поколения, детство которого пришлось на войну, поколения, рано узнавшего цену хлебу. Гибель отца. Вдовья доля матери... Я вспоминаю высокую седую женщину. Дом, хозяйство — все на ней. А годы на восьмой десяток покатили. Несуетна, пустого слова не бросит:

Гордая моя мама!
Горькая твоя доля
Голову носить ниже
Так и не научила...

К белым твоим сединам
Бережно принасяюсь,
Будто бы это — боли.

деться? Вот и оборотилось «в негающую льдину все сокровенное». «И надо лед долбить, чтоб песню, сказку или частушку раздобыть»...

О деревенской женщине-труженице, сильной (откуда сила эта берется?!), отзывчивой, сердечной («вдесятеро заплачишь людям за доброту»), — самые душевные, самые чуткие стихи Ольги Фокиной.

Радостью, праздничностью светятся строки стихотворения «Маков день», давшего имя всей книге Утро наступило. Впереди новый день — «не праздник разве?» «Нынче — да во младость бы», — сетуют старики на улетевшие годы, — только и жить. Дорога через чашобу прошла. В избах электричество, телевизоры. Солнышком играют свежие бревна:

Ах, как строится нынче
деревня!
Метит в плотники
каждый мужик.